

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-9-22

И.А. Пильщиков^{1, 2, 3}, А.Б. Устинов⁴

¹ Университет Калифорнии, Лос-Анджелес,
90095 г. Лос-Анджелес, США

² Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119899 г. Москва, Российская Федерация

³ Таллинский университет,
10120 г. Таллин, Эстония

⁴ Издательство «Аквилон»,
CA94122 г. Сан-Франциско, США

Поверхностное напряжение: история культуры и концепция «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума

Статья служит предисловием к специальному выпуску журнала «Рема. Rhema» «Литературный быт и художественная культура XX века», посвященному русским и украинским литературным и литературно-художественным объединениям. Разработанная Б.М. Эйхенбаумом концепция «литературного быта» актуализируется и расширяется: вводится понятие «литературно-художественный быт», описывающее, в частности, формы самоорганизации сообщества «производителей культуры». Динамика социокультурных форм производства и потребления искусства осмысливается как катализатор литературной и художественной эволюции.

Ключевые слова: Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, литературно-художественный быт, литературно-художественные объединения

© Пильщиков И.А., Устинов А.Б., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пильщиков И.А., Устинов А.Б. Поверхностное напряжение: история культуры и концепция «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 9–22. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-9-22

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-9-22

I. Pilshchikov^{1, 2, 3}, A. Ustinov⁴

¹ University of California, Los Angeles,
Los Angeles, CA, 90095, USA

² Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119899, Russian Federation

³ Tallinn University,
Tallinn, 10120, Estonia

⁴ "Aquilon Books",
San Francisco, CA 94122, USA

Surface tension: History of culture and Boris Eikhenbaum's concept of "Literary environment"

This article serves as an introduction to the special issue of *Rhema* entitled "Literary Environment and Artistic Culture in the 20th century" and devoted to Russian and Ukrainian literary and artistic associations. The concept of "literary environment" developed by Boris Eikhenbaum is revived and expanded here: a follow-up concept of "literary and artistic environment" is introduced, describing the forms of self-organization of the community of "culture makers". The dynamics of socio-cultural forms of production and consumption of art are interpreted as a catalyst for literary and artistic evolution.

Key words: B.M. Eikhenbaum, Yu.N. Tynianov, literary and artistic environment, literary and artistic associations

FOR CITATION: Pilshchikov I., Ustinov A. Surface tension: History of culture and Boris Eikhenbaum's concept of "Literary environment". *Rhema*. 2020. No. 4. Pp. 9–22. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-9-22

And if there's one thing I know it's that writing comes out of tension, tension between what's inside and what's outside. Surface tension, isn't that the phrase...

Rachel Cusk

– Для кого-то [вы поэт]. Для кого-то – художник...
Но по самоощущению – кто вы прежде всего?
– Я – работник культуры. А нынешняя культура не различает таких тонкостей. Все может быть включено в единый проект.

Д.А. Пригов

Из всех понятий во фразеологическом арсенале русского формализма «литературный быт» – концепция, над которой Борис Эйхенбаум достаточно долго размышлял, прежде чем представить ее в печати, – остается наиболее невестребованной.

Действительно, на фоне других терминов «формального метода»: универсального («прием»), технического («материал»), литературного («сюжетосложение»), лингвистического («практический язык» vs. «поэтический язык»), динамического («развертывание сюжета»), поэтического («воскрешение / раскрепощение слова»), психологического («мотивировка»), описательного («самоценность»), эзотерического («поэтическая функция»), намеренно комплексного («единство и теснота стихового ряда»), заимствованного («дифференциальные ощущения»), наконец, откровенно неологического – «остранение», все-таки звучит лучше по-немецки *Die Verfremdung*, особенно в сценическом контексте у Бертольда Брехта *Der Verfremdungseffekt* или *V-Effekt*, – простое согласование двух слов «практического языка» звучало, по меньшей мере, прозаично.

Даже самому Эйхенбауму, который ввел в лексикон ОПОЯЗа понятия «доминанта», «мелодика», «спецификация», по сравнению с похожими научными идиомами – такими, как «литературный факт» (Тынянов), – формула «литературный быт» казалась легкомысленной. Более того, ей не повезло ни с временем, ни с местом: работа «Литература и литературный быт» появилась в мае 1927 г. в журнале «На литературном посту», отличавшемся топорной критикой и ура-пропагандистскими статьями, что вряд ли можно было считать подходящим местом для публикации этого изящного, почти филигранного литературно-теоретического трактата.

Едва отошедший от не столь давнего масштабного обсуждения «формального метода» в печати, Эйхенбаум был снова втянут в очередную дискуссию. «Литература и литературный быт» сопровождалась редакционным примечанием «литпостовцев»: «Считая действительно

необходимой серьезную проработку вопроса о так называемой формальной школе в литературоведении и переживаемой этой школой эволюции, редакция дает место статьям Б.М. Эйхенбаума и Ю.<Н.> Тынянова. Редакционная статья будет помещена в № 10 журнала вместе со статьей Ю. Тынянова. *Ред.*» (На литературном посту. 1927. № 9. 10 мая. С. 47)¹. Три года назад Эйхенбаум, оставленный и создателями ОПОЯЗа, и их последователями, был вынужден отдуваться в одиночку, но с честью вышел из баталий.

Он даже позволил себе отшутиться в подводившей предварительные итоги работе «Теория “формального метода”», которая была представлена им в Государственном институте истории искусств (б. Зубовском институте) 25 апреля 1925 г., а после отправлена в Харьков Б.А. Лезину и опубликована в тамошнем журнале «Червоний шлях» в переводе на украинский язык (который, видимо, выполнил Агапий Шамрай)²: «Первоначальный период научной борьбы и журнальной полемики закончен. На такого рода “полемику”, какой удостоила меня “Печать и революция” (1924, № 5), можно отвечать только новыми научными работами» [Эйхенбаум, 1987, с. 376].

В этом публицистическом по жанру выступлении Эйхенбаум не только подводил итоги грядущей годовщине «формального метода»³, но и предположил, что на этом заканчивается его работа над вопросами поэтики. Как отмечают М.О. Чудакова и Е.А. Годдес, «драматизм этого отхода уясняется, когда перечитываешь “Теорию «формального метода”», где итоги сделанного ОПОЯЗом подведены с такой четкостью и блеском, а готовность к ...значительно более широкой, чем до сих пор, разработке исторического материала объявлена столь решительно, что можно было бы смело ожидать планомерного продолжения, вступления в новый, зрелый этап. Однако этот этап так и не наступил. Все происшедшее имеет свои объяснения в известных обстоятельствах литературно-академической и общественной жизни, но, несомненно, ими не исчерпывается: внутреннее разочарование в прежнем методе шло навстречу внешнему давлению» [Чудакова, Годдес, 1987, с. 149].

В литературной деятельности Эйхенбаума создалось поверхностное напряжение. И хотя он поступил именно так, как и пообещал критикам «формального метода» – написал «новую научную работу» в новом

¹ Ссылки на статьи без указания авторства, газетную хронику, афиши приведены непосредственно в тексте и не выносятся в общий библиографический список.

² Подробнее см.: [Бабак, 2019, с. 193–194].

³ Эйхенбаум вел отсчет с 1916 г. Пятилетию «формального метода» была посвящена написанная им для журнала Виктора Ховина заметка «5 = 100» (Книжный угол. 1921. № 8. С. 38–41).

направлении исследования, – Эйхенбаум оказался в положении цугцванга: после публикации «Литературы и литературного быта» любой предпринятый им следующий ход мог привести только к ухудшению его позиции в науке о литературе или литературной критике. Сложившейся ситуацией возможно объяснить сходные, хотя и разнящиеся по темпераменту, реакции его коллег по ОПОЯЗовскому цеху.

Индифферентную – Бориса Томашевского, который в данном случае полностью оказался во власти их личных отношений, собственно говоря, «литературного быта»: сохраняя вежливо-профессиональную диспозицию в ГИИИ, они с Эйхенбаумом находились тогда в состоянии затяжной ссоры, которая грозила закончиться третейским судом.

Скептическую – Виктора Шкловского, который не принял «литературный быт» как научную концепцию⁴, поскольку, переместившись в иной «ряд» культуры, Эйхенбаум как бы отказывался от его прежних наработок. Особенно чувствительными для него могли оказаться безукоризненно выстроенные утверждения о перемещении ракурса исследования – с литературной «технологии» на «историю» литературы⁵, хотя в своей статье Эйхенбаум безоговорочно отметил ОПОЯЗовские заслуги Шкловского: «Внимание исследователей литературы и критиков было в последние годы направлено, главным образом, на вопросы литературной “технологии” и на уяснение специфических особенностей литературной эволюции – внутренней диалектики стилей и жанров, – писал он уже в начале своей работы. – Это было естественным следствием пережитого нами литературного подъема, закончившегося литературной революцией (символизм и футуризм). Подъем этот и закреплён огромной теоретической литературой, появившейся

⁴ См. в его предисловии к книге Теодора Грица, Владимира Тренина и Михаила Никитина, редактором которой он выступил: «Авторы этой книги не предполагают вовсе, что так называемый литературный быт (термин Б.М. Эйхенбаума) является первопричиной литературной эволюции. Но они считают, что анализ литературного быта может дать нам материал для анализа изменения функций литературы в разное время» [Словесность и коммерция, 1929, с. 5]. Здесь же Шкловский продолжал настаивать на первоначально предложенном Эйхенбауму понятии «литературный труд», которое не получило дальнейшего развития в лексиконе «формального метода»: «Понятия: “творчество”, “литературный труд” тоже все время изменяются, и некоторые следы подобных изменений мы видим в гонорарных книгах Смирдина. Как текучее понятие стремится укрепиться в слове, так литературная эволюция тяготеет к фамилиям, к условным знакам, создавая этим легенды» [Там же]. Ср. дневниковые записи Эйхенбаума 2 сентября 1924 г.: «На дачу приезжал Витя Шкловский – очень советовал взяться за работу по истории “литературного труда” в России, общий план которой я ему рассказал», – и 25 сентября 1925 г.: «Собираюсь предложить издателям план книги “Литературный труд”» [Эйхенбаум, 1987, с. 521].

⁵ В это время Эйхенбаум «все больше утверждает в мысли, что теперь нужно писать “не о композиции, а о другом” (дневниковая запись 24 января 1925 г.)» [Чудакова, Тоддес, 1987, с. 149].

в течение последних 15 лет. Знаменательно и характерно, что *история* литературы в собственном смысле этого слова была оставлена в стороне, более того – самая ее научная ценность была взята под подозрение» [Эйхенбаум, 1987, с. 429]⁶.

Ревнивую – Юрия Тынянова, который первым наметил диалектику «литературы» и «быта»⁷, а теперь разрабатывал собственную концепцию «литературной эволюции», в то время как Эйхенбаум мягко указал на возможность мирного сосуществования обеих концепций и их взаимную дополнительность: «Обращение к литературно-бытовому материалу вовсе не означает отхода от литературного факта или от проблемы литературной эволюции, как это кажется некоторым» [Там же, с. 432] (ср.: [Greenfeld, 1987; Lovell, 2001]). Не менее благородно он отказался указывать на слабые места в изложении Тынянова – ко времени появления в том же журнале «На литературном посту», его статья «Вопрос о литературной эволюции» выглядела если не сырой, то недоработанной.

Более того, Эйхенбаум отдал дань и Шкловскому, и Тынянову, попытавшись увязать их теоретические построения с концепцией «литературного быта»:

...актуальными, требующими анализа и обобщений, были вопросы: «как писать вообще» и «что писать дальше»? <...> Наблюдение над тем, «как сделано» или как может быть сделано литературное произведение, должно было ответить на первый вопрос; установление собственных, конкретных «законов» литературной эволюции – на второй. И то, и другое выполнено в той мере, в какой это было необходимо поколению, вступавшему в литературу 10 лет назад, и стало теперь, в значительной степени, уже достоянием университетской науки, предметом учебы. История передала эти вопросы (как это всегда бывает) эпигонам, которые с отличным усердием (и часто на отличной бумаге), но без темперамента занимаются изобретением номенклатуры и показыванием своей эрудиции⁸. Современное положение нашей литературы ставит новые вопросы и выдвигает новые факты [Эйхенбаум, 1987, с. 429].

⁶ Ср. настойчивость Шкловского: «Необходимость вводить новые материалы, собирать их сузила пределы анализа в книге. Труд является, таким образом, предварительным. Но уже в нем удалось избежать психологизма и биографизма» [Словесность и коммерция, 1929, с. 6].

⁷ В статье «Литературный факт» (первоначальное название – «О литературном факте») [Тынянов, 1977, с. 255–270].

⁸ Примечание автора: «См., напр., сборники Гос. Академии Художественных Наук: “Художественная форма” (под ред. А.Г. Циреса, М. 1927) и особенно “Ars poetica” (под ред. М.А. Петровского, М. 1927)». В книге «Мой современник» Эйхенбаум эту ссылку снял (ср.: [Эйхенбаум, 1987, с. 524]).

Зато концепция «литературного быта» была поддержана учениками Эйхенбаума, участниками его семинара в Государственном институте истории искусств (ГИИИ). Меньше чем через два года Марк Аронсон (1901–1937) и Соломон Рейсер (1905–1989), которому едва исполнилось 24 года, выпустили в издательстве «Прибой» под грифом ГИИИ первый опыт применения концепции «литературного быта» к материалу русского XIX в. Этот case study под заглавием «Литературные кружки и салоны» вышел дебютным томом в серии «Труды семинария Б.М. Эйхенбаума по изучению литературного быта», под редакцией и с предисловием мэтра, в котором он еще раз хладнокровно и стилистически безукоризненно представил все составляющие «литературного быта» эпохи.

Отвечая критикам в работе «Теория “формального метода”», он четко сформулировал свои научные цели: «Главная моя задача – показать, как формальный метод, постепенно эволюционируя и расширяя область изучения, совершенно выходит за пределы того, что обычно называется методологией, и превращается в особую науку о литературе как о специфическом ряде фактов. В пределах этой науки возможно развитие самых разнообразных методов, если только при этом в центре внимания остается специфичность изучаемого материала» [Эйхенбаум, 1987, с. 376].

Концепция «литературного быта» абсолютно отвечала этому, в принципе, единственному условию новой русской науки о литературе, чем собственно и стал «формализм». Эйхенбаум отошел от магистральной методологии ОПОЯЗа, но обеспечил «специфичность» литературного материала, который он избрал в качестве объекта изучения. «Принцип спецификации и конкретизации литературной науки явился основным для организации формального метода» [Там же, с. 378], – замечал он в «Теории “формального метода”», определяя вектор своих дальнейших штудий: «Для того, чтобы осуществить на деле и укрепить этот принцип спецификации, не обращаясь к умозрительной эстетике, надо было сопоставить литературный ряд с другим рядом фактов, выбрав из беспредельного разнообразия существующих рядов тот, который, соприкасаясь с литературным, вместе с тем отличался бы по функциям» [Там же, с. 380].

Таким искомым функционально отличным «рядом», Эйхенбаум выбрал «дело литературы», ее «социальное бытование»:

Литературная эволюция, еще недавно так резко выступавшая в динамике форм и стилей, как бы прервалась, остановилась. Литературная борьба потеряла свой прежний специфический характер: не стало прежней чисто-литературной полемики, нет отчетливых журнальных объединений, нет резко-выраженных литературных “школ”, нет,

наконец, руководящей критики и нет устойчивого читателя. Каждый писатель пишет как будто за себя, а литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то “внелитературным” признакам, – по признакам, которые можно назвать литературно-бытовыми. Вместе с тем вопросы технологии явно уступили свое место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого “дела литературы”. <...>

Можно сказать решительно, что кризис сейчас переживает не литература сама по себе, а ее социальное бытование. Изменилось профессиональное положение писателя, изменились соотношения писателя и читателя, изменились привычные условия и формы литературной работы – произошел решительный сдвиг в области самого литературного быта, обнаживший целый ряд фактов зависимости литературы и самой ее эволюции от вне ее складывающихся условий [Эйхенбаум, 1987, с. 429–430]⁹.

Другое название для культурного ряда, выбранного Эйхенбаумом – «жизнь литературы» – прозвучало в предисловии к книге М. Аронсона и С. Рейсера, которое он тогда же включил под заглавием «Литературная домашность» в состав сдержанно личной книги «Мой современник» [Эйхенбаум, 1929], построенной «по типу журнала», но журнала, безусловно, «домашнего», почти воображаемого¹⁰. «Жизнь литературы не исчерпывается выходом в свет книг и журналов с новыми стихами, романами и рассказами, – открывал он свою заметку. – Прилавок книжного магазина, на который ложится, в ожидании покупателя, новая книга – это нечто вроде эстрады, на которой является артист перед публикой. Кроме этой “эстрадной” жизни у литературы, как и у других искусств, есть жизнь более интимная, но еще не уходящая в область быта вообще, а только скрещивающаяся с ним» [Литературные кружки и салоны, 1929, с. 3]¹¹.

⁹ В первой публикации этот фрагмент напечатан без курсива (см.: На литературном посту. С. 48).

¹⁰ Ср. в обращении «К читателю»: «Журнал – особый жанр, противостоящий альманаху, сборнику и т.д. Мне было приятно и интересно писать и собирать материал, воображая этот жанр. Пусть это – игра воображения. Жизнь без игры иногда становится слишком скучной» [Эйхенбаум, 1929, с. 5]. О значении «Моего современника» в литературной биографии Эйхенбаума см. вдохновенную статью Сергея Ушакина в недавнем переиздании этой замечательной книги: [Ушакин, 2020].

¹¹ Здесь цитируется по первой публикации – предисловию Эйхенбаума в книге «Литературные кружки и салоны». Любопытно обращение на обороте титульного листа указанной книги: *ЧИТАТЕЛЬ! Отзыв об этой книге пошли по адресу: Москва, Ильинка, 3, Госиздат, в редакцию журнала “Книга и революция”, – указывающее на петроградский журнал, в котором активно печатались в середине 1920-х гг. сторонники «формального метода» (прежде всего Б. Томашевский и К. Федин) и который к этому времени закончил свое существование.*

И далее со спокойной уверенностью разворачивал концепцию «литературного быта»:

Писатель работает не в одиночку, а бок-о-бок со своими единомышленниками, друзьями, товарищами по ремеслу и т.д. Образуются «кружки», «группы», устраиваются собрания, заседания или просто «вечеринки». Эти формы общения меняются, то приближаясь к наиболее «домашним», то развертываясь в сторону большей общественности или публичности – как меняется самый тип литератора, от поэта-дилетанта до журналиста-профессионала, как меняется и сама литература, от альбомной лирики до газетного фельетона.

Это не значит, конечно, что в каждую эпоху существует только одна из форм. Как всегда в истории, в любую эпоху можно обнаружить сосуществование разных форм и типов – меняются их обличья, их литературные и социальные значения: знак исторической *характерности* переходит с одних на другие. Формы эти, как и все в истории, соотносительны – ни одна не пропадает вовсе и не возникает совсем заново [Литературные кружки и салоны, 1929, с. 3; Эйхенбаум, 1929, с. 82].

В предисловии к «Литературным кружкам и салонам» Эйхенбаум дает понять, что отмеченные им условия существования литературы обладают необходимой универсальностью. Несмотря на четкое определение «знака исторической *характерности*» исследования, произведенного его учениками, он показывает, насколько концепция «литературного быта» адекватна для любой эпохи в истории литературы и, в частности, актуальна *hic et nunc*, т.е. она не только применима к словесности минувших лет, но также охватывает и литературную современность.

«Альбом стал опять делом всецело домашним, но самая “домашность”, в новых формах, еще не так давно опять явилась в нашей литературе – хотя бы в книгах Розанова, – пишет Эйхенбаум, плавно переходя от золотого века к серебряному и, погружаясь в эпоху начала столетия, от символизма к сменившим его литературным течениям (здесь он мог полагаться на собственный опыт участия в гумилёвских начинаниях). – Кружки символистов и самые их стихи, насыщенные особой кружковой семантикой, тоже свидетельствовали о своеобразном возрождении старых литературно-бытовых традиций. У акмеистов была тенденция воскресить альбомные жанры и создать “домашнюю” семантику (Анна Ахматова)» [Литературные кружки и салоны, 1929, с. 6].

От постсимволизма критические размышления Эйхенбаума подводят его к новой *доминанте*, каковой к 1927 г. безоговорочно становится литературная ситуация советского времени: «Революция принесла с собой

не только новые жанры оды, но и широкие организации профсоюзного типа; однако потребность в создании иных литературно-бытовых форм резко ощущается. Этим, отчасти, объясняется, вероятно, такой повышенный интерес к литературным мемуарам и биографическим материалам. Публичность и домашность соотносительны. Поэзия вечеринок и кружков, носящая совсем “местный” характер, рукописные эпиграммы, пародии и экспромты, живущие на одних правах с анекдотами, – все это, постоянно пребывающее в быту, может в любой момент быть призвано в литературу» [Литературные кружки и салоны, 1929, с. 6].

Идея «культурного ряда», которую Эйхенбаум разрабатывает параллельно с Тыняновым¹², входит в концепцию «литературного быта», как рука входит в перчатку, а как перчатка должна сидеть на руке – знает только настоящий мастер. Именно поэтому история литературы строится не из одного собрания фактов, биографических подробностей и библиографических сведений. Она поддается описанию только во взаимодействии с другими «рядами», как предметными – ближайший такой ряд, несомненно, параллельная литературе «художественная культура», – так и темпоральными – как бы отвечая на серию вопросов, заданных в 1917 г. Борисом Пастернаком, поэтом, на которого обратил внимание Тынянов, но так и не признал Эйхенбаум:

*В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?*

*Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?*

[Пастернак, 1989, с. 110]

«Литературный быт» – это активная среда для производства литературы, создающая условия для ее потребления: моды, традиции и каноны. Вполне вероятно, что имманентной литературной эволюции, как ее первоначально мыслил Тынянов, вообще не существует: собственно

¹² См. в пражских «опоязисах» Тынянова–Якобсона: «История литературы (resp. искусства), будучи сопряжена с другими историческими рядами, характеризуется, как и каждый из прочих рядов, сложным комплексом специфически структурных законов» [Тынянов, Якобсон, 1928, с. 37]. 5 марта 1929 г. Тынянов писал Шкловскому: «Необходимо осознать биографию, чтобы она впряглась в историю литературы, а не бежала, как жеребенок, рядом. <...> Вообще, личность не резервуар с эманациями в виде литературы и т.п., а поперечный разрез деятельностей, с комбинаторной эволюцией рядов. Я еще не додумал, буду думать» [Тынянов, 1977, с. 513]. «Ряд» в терминологии русских формалистов – калька немецкого *Reihe*.

в динамике литературы есть только свободные мутации (в традиционной культуре менее значительные, в романтической и постромантической – радикальные). А литературный процесс отбирает из того, что есть в элитарной продукции («производство на сбыт»), и заказывает похожее для массовой («производство на заказ», так же как и в фольклоре) [Бога-тырев, Якобсон, 1971 (1929), с. 375].

К этой же мысли приходит и Тынянов в написанных им совместно с Романом Якобсоном тезисах «Проблемы изучения литературы и языка»: «имманентные законы литературной (resp. языковой) эволюции – это только неопределенное уравнение, оставляющее возможность хотя и ограниченного количества решений, но необязательно единого. Вопрос о конкретном выборе пути, или, по крайней мере, доминанты, может быть решен только путем анализа соотнесенности литературного ряда с прочими историческими рядами» [Тынянов, Якобсон, 1928, с. 37]. Литературные институции развиваются и перестраивают всю сферу культуры, создавая эффект эволюции. В эту сферу входит не только новосозданное, но и созданное давным-давно, только функции старого в обновленной системе литературного потребления могут измениться. А тотальная эстетизация «литературного быта» – характерная примета культуры определенного типа, представленного, например, романтизмом, символизмом и концептуализмом.

«История не принадлежит к числу бескорыстных, чисто теоретических наук (если такие, вообще, есть). Кто-то в шутку назвал ее “пророчеством назад”, – писал Эйхенбаум. – Это вовсе не так странно, как может показаться. Да, мы пророчествуем назад, чтобы таким образом разобраться в современности – потому что не можем пророчествовать вперед. Мы ищем в прошлом ответы и аналогии – устанавливаем “закономерность” явлений. История – особый метод изучения или истолкования современности. Так явилась у нас проблема “литературного быта”, так явились на свет мемуары, “монтажи” и пр.» [Литературные кружки и салоны, 1929, с. 6–7].

Поиск таких аналогий, попытка «установить “закономерность” явлений» в истории культуры – и в «литературном быте», и в параллельной этому «ряду» художественной среде своего времени – выступают основным предметом настоящего выпуска журнала «Rhema. Рема». Этот специальный номер посвящен литературным кружкам и литературно-художественным объединениям в России и Украине с начала XX в. до 1960-х гг.

Типологию этих сообществ представляет М. Шруба. В центре внимания авторов номера выступают «Дом Искусств» (Петроград), «Дворец Искусств» (Москва), «Литературный особняк» (Москва), «Авангард»

(Харьков – в его взаимодействии с московскими конструктивистами и левовцами) и «группа Черткова» (Москва). Среди «героев» специального выпуска – Мстислав Добужинский, Евгений Замятин, Иван Рукавишников, Михаил Малишевский, Яков Милькин, Валерий Брюсов, Осип Мандельштам, Николай Захаров-Мэнский, Тарас Мачтет, Валериан Полищук, Василий Ермилов, Михайль Семенко, Леонид Чертков, Станислав Красовицкий, Андрей Сергеев и другие писатели и художники, от известнейших до полузабытых. Авторы реконструируют деятельность литературных и художественных объединений, рассматривают взаимоотношения их участников, вводят в научный оборот ранее неизвестные факты, публикуют новые документы, материалы и произведения.

Участие классика в малоизвестном литературно-художественном объединении – одно из самых интересных явлений «литературного быта». Такова же деятельность малоизвестных или впоследствии забытых активных участников известных групп или документация неизвестной неофициальной стороны известных официальных или полуофициальных отношений. Все это уточняет, а иногда и меняет наши знания о реальном социокультурном контексте того, что называют «литературным процессом». Это, собственно, и есть литературный *процесс*. «Все прочее – литература».

Сказанное равно применимо к другим искусствам и к их взаимодействию. Соответственно, и востребованная концепция Эйхенбаума заслуживает трансформации и более обобщающей идиомы: «литературно-художественный быт».

Библиографический список / References

Бабак, 2019 – Бабак Г. Борис Эйхенбаум в Украине: дискуссия вокруг статьи «Теория “формального метода”» в журналах «Червоний шлях» и «Красное слово» // Новое литературное обозрение. 2019. № 159. С. 193–215. [Babak G. Boris Eikhenbaum in Ukraine: Discussion around the article “Theory of the ‘formal method’ ” in the journals “Chervonyi shliakh” and “Krasnoe slovo”. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019. No. 159. Pp. 193–215. (In Russ.)]

Богатырев, Якобсон, 1971 (1929) – Богатырев П., Якобсон Р. Фольклор как особая форма творчества (1929) / Пер. с нем. Б. Огибенина // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 369–383. [Bogatyrev P., Jacobson R. Folklore as a specific form of creativity (1929). *Bogatyrev P.G. Voprosy teorii narodnogo iskusstva*. Moscow, 1971. Pp. 369–383. (In Russ.)]

Литературные кружки и салоны, 1929 – Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б.М. Эйхенбаума. Л., 1929. [Aronson M., Reiser S. *Literaturnye kruzhki i salony* [Literary circles and salons]. B.M. Eikhenbaum (ed. and preface). Leningrad, 1929.]

Пастернак, 1989 – Пастернак Б. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. М., 1989. [Pasternak B. *Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Collected works in 5 volumes]. Vol. 1. Moscow, 1989.]

Словесность и коммерция, 1929 – Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина) / Под ред. В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума. М., 1929. [Grits T., Trenin V., Nikitin M. *Slovesnost i kommertiya* (Knizhnaya lavka A.F. Smirdina) [Literature and commerce (A.F. Smirdin's Bookstore)]. V.B. Shklovsky, B.M. Eikhenbaum (eds.). Moscow, 1929.]

Тынянов, 1977 – Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М., 1977. [Tynianov Yu. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova (eds.). Moscow, 1977.]

Тынянов, Якобсон, 1928 – Тынянов Ю., Якобсон Р. Проблемы изучения литературы и языка // Новый Леф. 1928. № 12. С. 35–37. [Tynianov Yu., Jakobson R. *Problems of the study of literature and language. Novyi Lef*. 1928. No. 12. Pp. 35–37. (In Russ.)]

Ушакин, 2020 – Ушакин С. Одноразовая периодика Бориса Эйхенбаума // Эйхенбаум Б. Мой современник: Словесность. Наука. Критика. Смесь. Екатеринбург; М., 2020. С. 5–22. [Oushakine S. *Boris Eikhenbaum's one-time periodical. Eikhenbaum B. Moy vremennik: Slovesnost. Nauka. Kritika. Smes*. Ekaterinburg; Moscow, 2020. Pp. 5–22. (In Russ.)]

Чудакова, Тоддес, 1987 – Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 128–162. [Chudakova M., Toddes E. *Boris Eikhenbaum: Pages from his scholarly biography. Voprosy literatury*. 1987. No. 1. Pp. 128–162. (In Russ.)]

Эйхенбаум, 1929 – Эйхенбаум Б. Мой современник: Словесность. Наука. Критика. Смесь. Л., 1929. [Eikhenbaum B. *Moy vremennik: Slovesnost. Nauka. Kritika. Smes* [My journal: Literature. Scholarship. Criticism. Miscellanea]. Leningrad, 1929.]

Эйхенбаум, 1987 – Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет / Комментар. Е.А. Тоддеса, М.О. Чудаковой, А.П. Чудакова. М., 1987. [Eikhenbaum B. *O literature: raboty raznykh let* [On literature: Works of different years]. E.A. Toddes, M.O. Chudakova, A.P. Chudakov (commentary). Moscow, 1987.]

Greenfeld, 1987 – Greenfeld L. Russian formalist sociology of literature: A Sociologist's perspective. *Slavic Review*. 1987. Vol. 46. No. 1. Pp. 38–54.

Lovell, 2001 – Lovell S. Tynianov as sociologist of literature. *Slavonic and East European Review*. 2001. Vol. 79. No. 3. Pp. 415–433.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020

The article was received on 01.12.2020

Об авторах / About the authors

Пильщиков Игорь Алексеевич — доктор филологических наук; профессор кафедры славянских, восточноевропейских и евразийских языков и культур, Университет Калифорнии, Лос-Анджелес, США; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры, Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук, Таллиннский университет, Эстония

Igor A. Pilshchikov – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures, University of California, Los Angeles, USA; Lead Researcher at the Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher at the Institute of Humanities, Tallinn University, Estonia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0153-6598>

E-mail: pilshch@mail.ru

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук, PhD (сравнительное литературоведение); главный редактор, издательство «Аквилон», г. Сан-Франциско, США

Andrei B. Ustinov – Dr. Phil. Hab.; PhD (Philology); Director, “Aquilon Books”, San Francisco, USA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8468-4854>

E-mail: abooks@gmail.com